

Глава первая

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

— Скажи мне кто-нибудь, какие чудесные перемены здесь свершатся через десять лет, не поверила бы! — обратилась миссис Джо к миссис Мэг одним летним днем, когда обе сидели на веранде Пламфилда и довольно оглядывались вокруг, лучась от гордости.

— Вот на что способны деньги и добрые сердца! Сложно представить более достойный памятник мистеру Лоренсу, чем колледж, построенный его щедротами, да и память о тетушке Марч не померкнет, покуда стоит на месте дом, — ответила миссис Мэг, всегда готовая воздать хвалу почившим.

— Помнишь, мы с тобой верили в фей и придумывали, какие три желания им загадать? А ведь мои наконец сбылись, не находишь? Деньги, доброе имя, и любимой работы — предостаточно. — Миссис Джо сцепила руки за головой, ненароком взерошив волосы, прямо как в детстве.

— Мои желания тоже сбылись, а Эми продолжает наслаждаться своими. Если бы только Джон, Бет и дорогая наша мамочка не покинули нас, о большем и мечтать не пришлось бы! — Голос Мэг дрогнул от тоски.

Джо накрыла ее руку своей, и сестры с минуту молча смотрели на открывшуюся им замечательную картину; радость в их сердцах смешалась с печалью.

На первый взгляд, без чуда и правда не обошлось, ибо некогда тихий Пламфилд превратился в оживленный мирок. Дом стал гостеприимнее прежнего: свежая краска, пристроенные флигеля, аккуратный сад и лужайка придавали ему вид достатка, какого и в помине не было в те годы, когда всюду носились шаловливые мальчишки, а Баэры едва сводили концы с концами. На холме, откуда раньше запускали воздушных змеев, стоял великолепный колледж, возведенный благодаря щедрому завещанию мистера Лоренса. По дорожкам, протоптанным в свое время детскими ногами, теперь деловито расхаживали студенты — немало юношей и девушек наслаждались преимуществами, что им даровали богатство, мудрость и великодушные основателя колледжа.

У самых ворот Пламфилда уютно примостился среди деревьев хорошенький коричневый домик, похожий на Гнездышко — так звался дом семейства Брук, — а на зеленом склоне ближе к западу сверкал на солнце особняк Лори с белыми колоннами. Когда стремительно растущий город вконец обступил старый дом, испортил Гнездышко Мэг и дерзнул построить мыловарню прямо под носом возмущенного мистера Лоренса, нашим друзьям пришлось перебраться в Пламфилд — и начались великие перемены.

Перемены были приятные, а боль от утраты близких смягчалась благодеяниями, ими совершенными напоследок; в общем, наше маленькое сообщество процветало. Мистер Баэр стал ректором колледжа, мистер Марч — капелланом; их заветная мечта наконец исполнилась. Сестры поделили между собой заботы о молодых подопечных, и каждая взяла на себя дело, наиболее подходящее характеру. Мэг по-матерински настаивала на девушках, юноши поверяли Джо свои тайны и искали у нее защиты, Эми же играла роль благодетельницы: не привлекая лишнего внимания, она тактично помогала нуждающимся студентам и принимала их у себя столь радушно, что ее милый дом прозвали Парнасом¹: в нем царили музыка, красота и культура, необходимые изголодавшимся юным сердцам и умам.

Конечно, за эти долгие годы первые двенадцать воспитанников разбрелись кто куда, но все хранили в памяти старый добрый Пламфилд и временами возвращались из разных уголков света рассказать о своих приключениях, посмеяться над забавами былых деньков и, набравшись решимости, взяться за новые дела — такие поездки домой пробуждают воспоминания о счастливом детстве, не дают сердцам очерстветь, а руки наполняют силой. Расскажем в нескольких сло-

¹ Парнас — в греческой мифологии гора, на которой обитали музы и Аполлон, бог солнца и искусств. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

вах об истории каждого мальчишка, а затем примемся за новую главу их жизни.

Франц работал в Гамбурге с родственником-коммерсантом; ему исполнилось двадцать шесть, и он неплохо преуспел. Эмиль стал самым развеселым из морячков, бороздящих просторы океана. Дядя отправил его в долгое плавание, надеясь отвлечь от рискованной жизни морехода, но Эмиль вернулся домой счастливым донельзя, и сомнений не осталось: то было его призвание. Родственник-немец устроил Эмиля на свой корабль — к большой радости юноши. Дэн по-прежнему любил привольную жизнь: после геологической экспедиции в Южную Америку он взялся за овцеводство в Австралии, а теперь пытал счастья на калифорнийских рудниках. Нат поступил в консерваторию и готовился последний год-другой учебы провести в Германии. Том изучал медицину и пытался ее полюбить. Джек занимался коммерцией с отцом и всерьез вознамерился разбогатеть. Долли изучал право в одном колледже с Пышкой и Недом. Бедняжка Дик умер, как и Билли, однако по ним не скорбели слишком глубоко: тяжелые телесные и душевные недуги не дали бы им жить счастливо.

Роба и Тедди прозвали «Львом и Ягненком», как в Библии: Тедди был грозен, точно царь зверей, а Роб — кроток, словно овечка. Миссис Джо звала его «доченькой» и считала послушнейшим ребенком, но за мягкостью и ласковым характером скрывалась немалая сила духа. А вот в Теде

по-своему воплощались все изъяны, сумасбродные идеи, стремления и забавы ее собственной юности. Вечно растрепанные волосы с рыжеватым отливом, длинные руки и ноги, громкий голос, неугомонный характер — в Пламфилде Теда трудно было не заметить. Временами на него находила хандра, а где-то раз в неделю он погружался в Топь Уныния¹, откуда его вытаскивали терпеливый Роб или мать: она знала, когда следует оставить его в покое, а когда — приободрить. Он приносил ей равно счастье, гордость и муку: для своих лет мальчик отличался светлым умом и многообещающими талантами, и материнское сердце тревожилось, какое будущее ждет ее выдающегося сына.

Деми с отличием кончил колледж, и миссис Мэг увлеклась идеей сделать из него священнослужителя. Она с умилением воображала, как благородный юный святой отец прочтет свою первую проповедь и проживет долгую и достойную жизнь на благо общества. Увы, Джон — как она его теперь называла — решительно отверг обучение в семинарии: он был сыт по горло книж-

¹ Из поэмы «Путешествие пилигрима в Небесную страну» (1678) английского писателя и проповедника Джона Беньяна (1628–1688), которая излагает историю тяжкого пути Христианина, героя поэмы, к Небесному Граду, куда он отправляется, убедившись, что Город Разрушения, в котором он жил до сих пор, обречен на погибель. Упомянутая Топь Уныния — место, куда попадает на своем пути Христианин.

ными премудростями, хотел получше узнать, как устроен мир, и огорошил бедную мать новостью, что намерен попробовать себя на журналистском поприще. Для Мэг это был удар, но она знала, что молодых не переубедишь, а опыт — лучший учитель, поэтому позволила сыну поступать по-своему, тем не менее в душе питая надежду увидеть его за кафедрой. Тетушка Джо пришла в негодование, услышав, что в семье заведется репортер, и тотчас нарекла племянника щелкопером. Она одобряла литературные склонности Деми, однако презирала «профессиональных проныр» — и не зря, как мы узнаем позже. Деми от своего решения не отступал и спокойно добивался цели, невзирая на причитания встревоженных нянек и насмешки товарищей. Дядя Тедди его поддерживал и прочил ему блестящую карьеру — в конце концов, известные люди вроде Диккенса тоже начинали репортерами, а стали прославленными писателями.

Девочки благоденствовали. Дейзи, как и прежде, славная и домовитая барышня, была для матери отрадой и верной компаньонкой. Четырнадцатилетняя Джози выросла незаурядной, склонной к озорству и маленьким чудачествам — последней ее причудой стала страсть к сцене, которая не столько забавляла, сколько тревожила ее тихую мать и сестру. Бесс превратилась в высокую красавицу и выглядела немного старше своих лет, при этом сохраняя изящные манеры и утонченные вкусы тех времен, когда ее звали Прин-

цессой; родительские достоинства она унаследовала сполна, а любовь и богатство семьи помогли их выпестовать. Однако всеобщей гордостью стала разбойница Нэн: как многие шаловливые, своевольные дети, со временем она выросла в трудолюбивую, подающую надежды юную леди — эти качества нередко пробуждаются в натурах увлекающихся, когда они находят дело себе по душе. Нэн взялась за изучение медицины в шестнадцать и в двадцать отважно следовала избранному пути, ведь стараниями других одаренных женщин двери колледжей и больниц были для нее открыты. Она не отступила от слов, которые поразили Дейзи в тот памятный день детства, когда девочки играли на старой иве:

«Не хочу возиться с хозяйством! Открою свой кабинет, буду продавать разные бутылки и коробочки с лекарствами, буду толочь в ступке порошки, разъезжать на коляске и лечить больных!»

Стараниями молодой женщины предсказание маленькой девочки стремительно сбывалось и приносило столько радости, что никакими силами нельзя было ее оторвать от любимой работы. Несколько юных джентльменов уговаривали Нэн изменить решение и выбрать, по примеру Дейзи, «хорошенький домик и заботу о семействе». Нэн в ответ только смеялась и обращала поклонников в бегство предложением осмотреть язык, говорящий сладкие речи, или пощупать как следует пульс на руке, идущей в комплекте с сердцем. Всех удалось отпугнуть, лишь один юноша

преданностью мог сравниться с Трэддлсом¹, и охладить его пыл никак не получалось.

Юношей был Том, столь же верный первой любви, как она своей ступке; преданность друга глубоко трогала Нэн. Ради нее он изучал медицину, хотя душа его лежала к торговле. Нэн упорно следовала мечте, но и Том не отступал — оставалось лишь надеяться, что его стараниями не слишком много пациентов отойдут в мир иной. Однако дружили молодые люди крепко, а их любовные перипетии немало веселили знакомых.

Оба направлялись в Пламфилд в тот день, когда миссис Мэг и миссис Джо беседовали на веранде. Правда, по отдельности: Нэн торопливо шагала по живописной тропинке, погруженная в мысли об интересном медицинском случае, а Том поспешал за подругой, собираясь якобы случайно столкнуться с ней за пределами жилых окраин — он нередко прибегал к этой наивной хитрости, такая у них с Нэн водилась игра.

Нэн выросла привлекательной девушкой — улыбчивой, со свежим цветом лица, с ясным взглядом и видом, преисполненным достоинства, какой всегда встречается у деятельных молодых леди. Одета она была просто и со вкусом, шагала легко и бодро, расправив широкие плечи и не прягая рук; каждое ее движение дышало юностью

¹ Томми Трэддлс — персонаж романа «Дэвид Копперфилд» Ч. Диккенса, молодой человек, долго и терпеливо ожидавший возможности жениться на своей возлюбленной Софи Крулер.

и здоровьем. Несколько прохожих оглянулись ей вслед: приятно все-таки в столь чудесный денек полюбоваться крепкой, радостной девушкой на деревенской дороге, а спешащий за леди молодой человек — весь красный, без шляпы, тугие кудри подпрыгивают от нетерпеливых шагов — тоже, по-видимому, разделяя их мнение.

Ветерок донес до ушей Нэн тихое «Здравствуй!», и она остановилась, довольно посредственно изображая удивление.

— Это ты, Том? — приветливо спросила она.

— Похоже на то. Подумал, вдруг ты вышла на прогулку. — Жизнерадостное лицо Тома просияло от удовольствия.

— Не подумал, а знал. Как горло? — спросила Нэн деловым тоном, которым всегда умирляла подобные неуместные восторги.

— Горло? А, точно, вспомнил! Уже лучше. Твое средство помогло. Больше не буду называть гомеопатию надувательством!

— Твои жалобы — вот где надувательство! Как и сахарные шарики, которые я тебе выдала вместо лекарства. Если сахар или молоко таким чудесным образом могут и дифтерию вылечить, то возьму их на заметку! Эх, Том, Том! Когда же ты бросишь свои хитрости?

— Эх, Нэн, Нэн! Когда же ты на них попадешься?

Парочка рассмеялась, прямо как в старые добрые времена — в Пламфилде воспоминания о детстве всегда живо воскресали в памяти.

— А что было делать? Если бы не придумал повод заглянуть к тебе в кабинет, целую неделю не увиделись бы. Ты сейчас такая занятая, ни словечком с тобой не перемолвишься...

— Вот и тебе надо полезным делом заняться, а не разными глупостями. Честное слово, Том! Если не сядешь за учебу, ничего дельного не добьешься, — строго поучала Нэн.

— Довольно с меня учебы, — буркнул Том с отвращением. — Надо же человеку и развлечься немного после того, как весь день препарировал трупы! Меня вот надолго не хватает, а некоторые, судя по всему, в этом занятии души не чают.

— Так почему не бросишь и не выберешь себе дело по душе? Всегда считала это твое решение глупостью несусветной. — Во внимательном взгляде Нэн промелькнула тревога: девушка искала признаки болезни на румянном, как яблочко, лице.

— Сама знаешь почему, и я не сдамся, пусть даже медицина меня погубит. Может, с виду я крепкий, но сердце мое давно терзает одна хворь, и рано или поздно она сведет меня в могилу, ибо лишь одному врачу по силам мне помочь — а она, представь себе, не хочет!

На лице Тома читалась задумчивая покорность — и забавная, и трогательная, ведь он делал подобные намеки вполне искренне — и не получал от Нэн поощрения.

Та нахмурилась; впрочем, она уже привыкла и знала, как вести себя в подобных случаях.

— Как раз таки лечит, и метод у нее лучший и единственно возможный, только вот пациент не поддается. Ты сходил на бал, как я велела?

— Сходил.

— И окружил вниманием красавицу мисс Уэст?

— Протанцевал с ней весь вечер.

— Полегчало твоему ранимому органу?

— Ничуть. Зевнул разок ей в лицо, забыл принести ей угощения, как полагается, и со вздохом облегчения передал в руки маменьки.

— Принимай в той же дозировке и отмечай симптомы. Уверена, вскоре попросишь добавки.

— Никогда! Боюсь, моему организму это средство не по нраву.

— Посмотрим! Прописал доктор — делай! — суровым тоном отрезала Нэн.

— Слушаюсь... — смиренно промолвил Том.

С минуты они шагали молча, а потом камень преткновения исчез в череде приятных воспоминаний, навеянных знакомыми краями.

— Как нам бывало весело в этом лесу! — воскликнула вдруг Нэн. — Помнишь, как ты свалился с орешника и чуть не сломал ключицу?

— Еще бы! А как ты вымачивала меня в настое полыни, пока я не стал красным, точно индеец? Тетя Джо так причитала над моим испорченным пиджачком! — засмеялся Том, на миг превратившись в прежнего мальчишку.

— А как ты поджег дом?

— А как ты сбежала за своей коробкой?